

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Д.

23.04.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Пальмского А.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Чангли А.И. (участвовали очно), вице-президента Саськова К.Ю., члена Совета Манкевича А.Е. (участвовали дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 23.04.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 02.08.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Д. послужила жалоба С.А.Н., поступившая в АП СПб 23.07.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.08.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 30.01.2025 адвокатом Д. допущено нарушение взаимосвязанных требований:

- подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре: *«Адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица»;*

- подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: *«Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 настоящего Кодекса»;*

- п. 1 ст. 11 КПЭА: *«Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.»;*

- п. 2 ст. 5 КПЭА: *«2. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре».*

- подп. 2 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей ...».*

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 23.04.2025 были извещены надлежащим образом.

Заявитель С.В.С. на заседание не явился, о причинах неявки не сообщил, представителя не направил, об отложении слушания дела не ходатайствовал.

Адвокат Д. на заседание явился, поддержал свои прежние доводы. Кроме этого, пояснил, что не вполне понимает суть выявленного Квалифкомиссией нарушения, само заключение Квалифкомиссии находит противоречивым. Также адвокат Д. ответил на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Квалифкомиссия установила, что адвокат Д. оказывал правовую помощь индивидуальному предпринимателю С.А.Н.

26.05.2022 между адвокатом Д. и индивидуальным предпринимателем С.А.Н. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № (далее – соглашение).

Согласно п.п. 1.2-1.3 соглашения адвокат принял на себя обязательство оказать доверителю, иным определённым доверителем физическим и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь, направленную на разрешение корпоративного конфликта, связанного с участием доверителя в ООО «Тритон-Промсервис» и ООО «Тритон Аква», включая консультирование по вопросам объёма прав доверителя, а также разъяснения по порядку их применения; проведение анализа ситуации; сбор сведений через адвокатские запросы; подготовку и толкование документов; формирование позиции для ведения переговоров; толкование и разъяснение норм права. Также в случае необходимости и при дополнительном согласовании адвокат должен был осуществлять представительство доверителя.

Адвокат Д. на основании п. 2.4.3 соглашения привлекал к оказанию юридической помощи своих стажёров П.А.Г. и М.В.А. Согласно сведениям реестра стажёров АП СПб П.А.Г. и М.В.А. в указанный период действительно являлись стажёрами адвоката Д.

30.05.2022 ИП С.А.Н. на Д., П.А.Г. и М.В.А. была выдана доверенность, содержащая, в частности, полномочия совершать юридические действия и вести переговоры от имени доверителя; представлять интересы доверителя во всех органах государственной власти, негосударственных, общественных, коммерческих организациях, арбитражных судах, судах общей юрисдикции, мировых судах, прокуратуре, следственном комитете, органах внутренних дел, в ФСБ, Пенсионном фонде и др.

Также 30.05.2022 С.А.Н. уполномочил Д., П.А.Г. и М.В.А. совершать аналогичные юридические действия на основании нотариально удостоверенной доверенности.

Как пояснил адвокат Д., в ходе исполнения поручения он неоднократно встречался с доверителем, участвовал в переговорах с его оппонентами, подготовил позицию доверителя, претензии и обращения, заявления и иные документы.

Согласно акту № 18 от 15.09.2022 к соглашению адвокат оказал квалифицированную юридическую помощь по п. 1.1 соглашения. Услуги адвоката были приняты без замечаний.

Как утверждает адвокат Д., в дальнейшем было достигнуто соглашение о продолжении сотрудничества в рамках соглашения и выплате фиксированной суммы в размере 50 000 руб. в месяц.

Адвокат Д. также пояснил, что по просьбе доверителя осуществлял и действия по возврату автомобиля – грузового фургона и по получению оплаты за его аренду. Адвокатом в адрес ООО «Тритон Аква» была направлена досудебная претензия и требование о возврате автомобиля, а в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области подано исковое заявление (дело №).

24.01.2023 С.А.Н. отказался от исполнения соглашения об оказании юридической помощи в одностороннем порядке.

Адвокат же утверждает, что соглашение между сторонами расторгнуто в одностороннем порядке адвокатом на основании п. 5.4 соглашения, датой расторжения соглашения полагает дату направления доверителю почтовым отправлением уведомления от 30.01.2023.

Квалифкомиссия отметила, что в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства заключения адвокатом Д. соглашения об оказании юридической помощи индивидуальному предпринимателю Г.И.Н.

Тем не менее адвокат Д. в своих письменных пояснениях и устных объяснениях в заседании Квалифкомиссии указывает, что в марте 2024 г. он заключил договор на оказание юридических услуг с ИП Г.И.Н. и принял поручение последнего на представление его интересов по спору со С.А.Н. о взыскании задолженности по договору об оказании юридических услуг, заключённому между ИП С.А.Н. и ИП Г.И.Н.

Адвокат Д. поясняет, что оказывая юридическую помощь заявителю, в интересах ИП С.В.С. подал в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области исковое заявление к ООО «Тритон Аква» (дело №).

После расторжения соглашения с ИП С.А.Н. интересы последнего в Арбитражном суде города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № представлял ИП Г.И.Н. и «успешно его выиграл в интересах С.А.Н.».

Адвокат утверждает, что в настоящее время представляет интересы ИП Г.И.Н. в Выборгском районном суде г. Санкт-Петербурга по гражданскому делу № по иску Г.И.Н. к С.А.Н. о взыскании «задолженности за оказание юридических услуг».

Рассматривая дисциплинарные претензии С.А.Н., Квалифкомиссия обоснованно исходила из следующего.

В соответствии с подп. 10 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 настоящего Кодекса.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Квалифкомиссия верно отметила, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный (фидуциарный)

характер, и совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых, лично-доверительных отношениях.

Доверительность отношений между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную юридическую помощь, обусловлена тем, что в процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации (п. 1 ст. 6 КПЭА).

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закона об адвокатуре) адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

В соответствии с п. 5 ст. 6 КПЭА правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В силу подп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Согласно п. 3 ст. 6 КПЭА адвокат не может быть освобождён от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц. Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 КПЭА).

Согласно подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Смысл и содержание данных профессионально-этических норм допускают их системное толкование и, в частности, применение к отношениям, складывающимся между адвокатом и его бывшим доверителем после прекращения (расторжения, окончания) действия соглашения об оказании правовой помощи. В пользу такого толкования свидетельствует и содержание п. 2 ст. 6 КПЭА, в соответствии с которым срок хранения адвокатской тайны не ограничен во времени и не привязан к сроку действия соглашения.

Органы адвокатского самоуправления неоднократно обращали внимание на ситуации, связанные с конфликтом интересов. Так, в Обзоре дисциплинарной практики АП СПб за июль-декабрь 2020 г. указано, что «Вне зависимости от реальности разглашения адвокатской тайны, в подобной ситуации бывший доверитель находится в состоянии обоснованного опасения разглашения или использования конфиденциальных

сведений, полученных от него адвокатом, а новый доверитель вправе рассчитывать на то, что его интересы будут защищены квалифицированно, принципиально и добросовестно».

Уже самого факта наличия у адвоката сведений, полученных от его бывшего доверителя в рамках исполнения соглашения, безусловно достаточно для потенциального конфликта интересов с новым доверителем, выступающим в качестве процессуального оппонента по отношению к доверителю бывшему. В данном случае адвокат сталкивается с неразрешимым функциональным противоречием между обязанностью хранить адвокатскую тайну (по отношению к прежнему доверителю) и обязанностью всеми не запрещенными законом средствами защищать права нового доверителя.

При этом бывший доверитель осознаёт факт обладания адвокатом такой информацией и вправе ожидать, что она может стать явно или подразумеваемо средством шантажа такого доверителя, источником постоянных опасений разглашения адвокатом этой информации.

В соответствии п. 1 ст. 18 КПЭА состав дисциплинарного проступка образует нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершённое умышленно или по грубой неосторожности. Применительно к дисциплинарному проступку, который заключается в оказании юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, это означает, что адвокат, на основании сведений, которыми он располагал либо должен был располагать, мог и должен был вне разумных сомнений установить наличие конфликта интересов его доверителей.

В этой связи Квалифкомиссия верно отметила, что обязанность адвоката по предотвращению конфликта интересов доверителей состоит в том, чтобы воздержаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создает риск такого нарушения; при этом сведения, доверенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником для получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя, то есть адвокат всегда должен принимать все возможные меры к тому, чтобы избегать конфликта интересов доверителей.

Дополняя выводы Квалифкомиссии, **Совет АП СПб считает необходимым отметить следующее.**

Запрет конфликта интересов взаимосвязан с фундаментальным институтом охраны адвокатской тайны (п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре). При этом противоправное оперирование адвокатом конкретными сведениями, составляющими адвокатскую тайну, в частности, нарушение требований конфиденциальности, является самостоятельным дисциплинарным проступком (подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре).

Оказание же юридической помощи в условиях конфликта интересов, при котором нарушением является сам факт принятия адвокатом взаимоисключающих поручений и вытекающих из них обязательств (подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре), лишь потенциально угрожает сохранению адвокатской тайны, поскольку все полученные адвокатом от прежнего доверителя сведения могут быть им использованы в интересах нового доверителя, имеющего противоположные интересы. К этому адвоката обязывают требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА. Такая ситуация неизбежно подрывает доверительность отношений адвоката с клиентом, поскольку она предполагает, что конфиденциальная информация не только может, но и должна быть обращена поверенным к выгоде другого лица.

В данном случае правовой интерес бывшего доверителя заключается в том, чтобы никакая информация, доверенная адвокату или ставшая ему известной в связи с оказанием юридической помощи, не была использована против него самого ни прямо, ни косвенно, ни адвокатом, ни иным лицом.

Очевидным и гротескным примером конфликта интересов является принятие адвокатом поручения против бывшего доверителя. В этом случае обязанность неограниченного во времени сохранения адвокатской тайны (п. 2 ст. 6 КПЭА) вступает в противоречие с требованием об исчерпании адвокатом доступных средств в пользу другого доверителя с противоположными правовыми интересами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре). Принимая такое поручение, адвокат действует вопреки законным интересам доверителя, руководствуясь соображениями собственной выгоды (подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА).

Подобное поведение адвоката рассматривается дисциплинарными органами как грубейшее нарушение профессиональной этики, подрывающее доверие к институту адвокатуры в целом¹.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу, что принимая поручение ИП Г.Н.А. на представление его интересов в деле по взысканию денежных средств со С.А.Н., адвокат Д. действовал в условиях конфликта интересов (ст. 11 КПЭА), что запрещено действующим законодательством, регулирующим адвокатскую деятельность (абз. четвертый подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА).

Однако материалами дисциплинарного производства не подтверждается, что приняв поручение ИП Г.И.Н., адвокат Д. каким-либо образом использовал сведения, составляющие адвокатскую тайну. Доводов о том, какие сведения, составляющие адвокатскую тайну, были разглашены и использованы адвокатом против интересов бывшего доверителя, в жалобе не приведено.

Доводы о том, что адвокат Д. допускал неэтичные высказывания в адрес представителей заявителя, материалами дисциплинарного производства не подтверждаются, претензии являются декларативными, доказательствами не обоснованы.

Относительно доводов жалобы о совершении адвокатом Д. действий, влекущих подрыв доверия к нему и к адвокатуре в целом, Квалифкомиссия справедливо отметила, что совокупность изложенных выше обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что действия адвоката не соотносятся с обязанностью при любых обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущие его профессии, и избегать действий, направленных к подрыву доверия именно к адвокату Д.

Вместе с тем Квалифкомиссия не усмотрела, что действиями (бездействием) адвоката Д. был причинён ущерб публичным интересам корпорации, а его поведение содержит признаки недобросовестности и подрывают доверие к институту адвокатуры в целом.

Оснований не согласиться с такими выводами Квалифкомиссии у Совета АП СПб не имеется.

¹ Подробнее об этом см.: Дисциплинарный аспект конфликта интересов в адвокатской деятельности П. Царьков. "Адвокатская газета", №3, февраль 2023 г., с. 5, 16.

Таким образом, неисполнение адвокатом Д. вышеперечисленных норм закона свидетельствует о совершении им действий, подрывающих доверие к адвокату и нарушающих права доверителя, т.е. о нарушении требований п. 2 ст. 5 и подп. 2 ст. 8 КПЭА.

Наконец, Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией, что в оставшихся доводах заявителя отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом Д. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. опровергнутой в указанной выше части дисциплинарных претензий, а его вину в совершении дисциплинарных проступков – установленной.

Вопреки доводам адвоката Д., приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющих в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Отвечая на замечания адвоката Д., высказанные им в заседании Совета, о противоречивости заключения Квалифкомиссии, Совет АП СПб отмечает следующее.

Описательно-мотивировочная часть заключения Квалифкомиссии соответствует структуре выдвинутых заявителем дисциплинарных претензий.

В частности, заключение содержит обоснование установленного Квалифкомиссией нарушения (стр. 5, абз. 9 – стр. 7, абз. 4; стр. 7, последний абз. – стр. 8, абз. 1) и квалификацию установленных ею нарушений (стр. 7, абз. 5; стр. 8, абз. 3). Кроме этого, Квалифкомиссия анализирует доводы жалобы, которые в ходе дисциплинарного разбирательства не нашли своего подтверждения (стр. 7, абз. 6 – стр. 7, предпоследний абз., стр. 8, абз. 2 и 4). Наконец, заключение содержит итоговый вывод Квалифкомиссии, что она признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. опровергнутой (в части указанных выше дисциплинарных претензий), а его вину в совершении дисциплинарных проступков – установленной.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА меру дисциплинарной

ответственности адвокату Д. за допущенные нарушения, Совет АП СПб учитывает, что они совершены адвокатом умышленно, но не признаёт их тяжкими, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий для доверителя не имеется.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Д. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.,

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований

подпункта 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпункта 10 пункта 1 статьи 9 и пункта 1 статьи 11 Кодекса профессиональной этики адвоката;

пункта 2 статьи 5 и подпункта 2 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.